

Около берегов Озеро Тайе росли в ряд плакучие ивы. Наступило самое начало весны, почки на ивах еще не распустились, но их стволы уже пропитались дыханием жизни, кора на ветвях утратила сухость, заблестела и стала гибкой. Пролетал весенний ветерок, и ивовые ветви легко покачивались ему в такт, густые, но не спутавшиеся. Если посмотреть издалека, они казались копной густых темных волос.

Тянь Ци шла, заложив руки за спину, пробираясь под этой темно-зеленой листвой.

Разумеется, она пришла сюда не для того, чтобы любоваться весной. Столкнувшись с угрозой жизни и смерти, она была не в том праздном настроении.

Лед на Озеро Тайе уже полностью растаял, гладь воды сияла, словно зеркало. Легкий ветерок скользил по поверхности, поднимая рябь — мелкую, похожую на рыбью чешую, которая по воле ветра бежала к самому центру озера.

На краю неба уже заалел рассвет, но солнце еще не показалось. Весь мир выглядел холодным и пустынным. Органы и слуги во внутренних покоях, вставшие пораньше на дежурство, изредка проходили мимо, со сна протирая глаза, невольно зевая и выдыхая клубы пара. В эти дни ударили весенние заморозки, воздух был прохладным и насквозь пронизывающим, отчего у людей приятно покалывало в висках. Все шли быстрым шагом, ссутулившись и спрятав руки в рукава, отчаянно желая, чтобы под ногами появился попутный ветер — лишь бы побыстрее добраться до тепла под крышей.

Поэтому никто и не обратил внимания на Тянь Ци.

Дойдя до безлюдного места, Тянь Ци огляделась по сторонам, стиснула зубы и с выражением человека, идущего на верную смерть, с размаху бросилась в озеро.

Вода взметнулась брызгами выше чем на два чи. Кто-то услышал шум, обернулся и, заметив лишь расходящиеся по воде круги, решил, что это водяная птица нырнула в глубину, да так и пошел дальше ни секунды не замедляя шаг.

Ледяная вода промочила одежду насквозь, проникая повсюду. Тянь Ци затряслась от холода, ее зубы стучали. Собравшись с духом и решив идти до конца, она загребала воду руками и ногами, держась на плаву. Прикинув, что отплыла от берега достаточно далеко, Тянь Ци высунула голову, развязала пояс, сняла одежду и бросила всё в воду. Одежда была ватной, а на поясе красовалась бирюза — стоило этому всему оказаться в воде, как оно тут же пошло ко дну.

Закончив с этим, Тянь Ци поплыла обратно к берегу, одновременно шлепая по воде и крича: «Спасите!». Не то чтобы она не умела сама вылезти на сушу — просто раз уж играть спектакль, то до конца. Раз уж она «случайно упала в воду», у нее непременно должен был появиться свидетель.

И правда, кто-то услышал крики о помощи и бросился в эту сторону. Несколько евнухов развязали свои кушаки, связали их вместе и бросили Тянь Ци, а та ухватила за них и вылезла на берег.

Она отплевывалась от воды и благодарила спасителей.

В тот момент Тянь Ци выглядела крайне жалко: вся мокрая, верхняя одежда и ватник пропали. Пронесся прохладный ветерок, пробирая ее до костей, и она дрожала, словно сухой лист. Те мужчины просто не могли смотреть на это без жалости и вызвались проводить Тянь Ци обратно.

Тянь Ци махнула рукой: — Не нужно, вы ведь меня уже спасли, я не могу отнимать у вас время. У каждого служба, если из-за меня опоздаете к назначенному часу, мне проще было бы утонуть. — С этими словами она поднялась на ноги. — Не беспокойтесь, отсюда до Тринадцатый отдел недалеко, я и сама дойду. Спасибо вам за спасение, добро ваше век не забуду, если я вам когда-нибудь понадобится — о жизни просить не стану, но помогу!

Выспросив имена мужчин и ведомства, в которых они служили, она попрощалась и пошла своей дорогой.

Вернувшись в Тринадцатый отдел, Тянь Ци уже оцепенела от холода. Она поскорее велела младшему евнуху принести горячей воды и принялась мыться. Среди евнухов она занимала среднее положение, и комната ей досталась довольно просторная: она отгородила в ней небольшой уголок для купания. Соседи по комнате знали о странности Тянь Ци: она была чистюлей, обожала мыться и терпеть не могла, когда за ней подглядывают — поговаривали, будто стоит кому-то увидеть ее нагой, как у нее тут же начиналось недержание мочи. Слух этот никто не проверял, но и испытывать судьбу желающих не находилось.

Пока Тянь Ци мылась, она выпустила грудь наружу, чтобы та немного подышала. Начиная с двенадцати-тринадцати лет ее грудь рола, как и у всех девочек. Поначалу она испытывала стыд, но главным было страх: стоит только обнаружить, что она женщина, и ей несдобровать. Тогда она придумала множество способов утягивать тело, и после облачения в одежды ничем не отличалась от обычных евнухов. Однако тугая перевязка вовсе не означала, что грудь перестанет расти — в свое время она продолжала развиваться. Днем грудь нещадно давило, и Тянь Ци не хотела ее лишней раз мучить, поэтому по ночам раздевалась в постели и давала себе передышку. Опасаясь разоблачения, она установила по углам кровати деревянные рамы, повесила занавески и превратила обычную дощатую кровать в нечто вроде просторного ложа с балдахин, опуская полог перед сном. А затем запустила слух про свое недержание, стоило кому-то лишь взглянуть на нее без одежды.

Благодаря этому все жили в мире и покое. Честно говоря, никто и не думал проявлять интерес к телу евнуха. И хотя среди евнухов нередко встречались извращенцы, настоящими извращенцами всегда оставались те, кто евнухами не был.

Закончив мыться, Тянь Ци заварила себе имбирного чаю с сахаром и выпила. Однако она

промерзла настолько сильно, что ни горячая ванна, ни имбирный чай не смогли ее спасти — ближе к полудню она захлопала ресницами, зачихала, а в голове зашумело.

В этот момент снова пожаловал евнух из личных покоев императора — передать, что Император вызывает ее во Дворец Цяньцин для допроса.

Тянь Ци украдкой хлопнула себя по груди, мысленно радуясь, что успела сделать ход на опережение.

Император находился не в теплых покоях, а ждал ее в кабинете. Тянь Ци отвесила поклон, выпрямилась, опустила голову и покорно замерла в ожидании вопросов.

Пол был выложен из белого нефрита, на нем были вырезаны узоры из счастливых лотосов — безупречно чистый, без единой пылинки в стыках.

Хотя она внутренне подготовилась заранее, сердце все равно отчаянно колотилось, стучало гулко и тяжело, и унять эту дрожь не получалось. Голова была тяжелой, соображала она куда медленнее обычного.

Цзи Хэн поднял голову из-за письменного стола и окинул ее взглядом. Лица из-за опущенной головы было не разглядеть: хрупкая фигурка, облаченная в служебное платье цвета воронова крыла, казалась еще более тощей и одинокой. И все же в ее облике не было ни капли жалости к себе, напротив, сквозила едва заметная отрешенность вперемешку с упрямством.

Внезапно ему вспомнился дикий унаби, цепляющийся за отвесную скалу — на вид хилый и слабый, но год за годом приносящий цветы и плоды.

Чем ниже человек пал, тем упорнее он цеплялся за жизнь.

Цзи Хэн поднялся и подошел к Тянь Ци.

— Подними голову, — приказал он.

Тянь Ци послушно вскинула подбородок, глядя прямо перед собой, и ее взгляд уперся в его подбородок и шею. Сегодня на нем была повседневная одежда глубокого красного цвета с черным воротником, из-под которого выглядывал край белого исподнего белья. Белый запах подчеркивал стройную, белизне которой мог позавидовать снег, шею.

— Подними голову и смотри на меня, — повторил приказ Цзи Хэн.

Тянь Ци послушно посмотрела на него. По правде говоря, хоть ей и доводилось видеть Императора множество раз, по-настоящему внимательно она разглядывала его впервые.

Гладкий, высокий лоб; красивые брови — черные и четкие, каждая волошинка лежит отдельно, ни единого изъема, длинным хвостом взмывающие к вискам; чуть прищуренные длинные глаза, в глубине которых таится острый блеск; прямой нос, тонкие губы, кожа белая, словно нефрит... Лицо, без сомнений, первоклассное, но что еще важнее — весь его облик излучал мягкое спокойствие, а благородство было скрыто внутри.

Пока Тянь Ци любовалась лицом Цзи Хэна, его рука скользнула к ее поясу. Тянь Ци мгновенно напряглась, ее тело окоченело от страха, и она не смела шевельнуться.

Цзи Хэн опустил взгляд на лицо Тянь Ци, сохраняя полное спокойствие. Выглядела она изможденной, глаза затуманены, нос покраснел — неужели заболела?

Его пальцы легли на ее пояс. Одежда по случаю весны была еще плотной, но не могла скрыть тонкую талию. Рука скользнула по кушаку, нащупала застежку, легко дернула ее и развязала пояс.

В глазах Тянь Ци мелькнула растерянность, а щеки залил густой румянец.

Цзи Хэн отпустил Тянь Ци, отступил на два шага и окинул ее оценивающим взглядом. Хм, она и вправду перепугалась, но похоже... от смущения?

Шэн Аньхуай подошел ближе, принял из рук Цзи Хэна снятый пояс, а чуть позже вернулся и доложил: — Император, этот раб вместе с лекарем тщательно всё осмотрели, там ничего нет.

Цзи Хэн сел обратно за стол, уставился на Тянь Ци и спросил: — Сколько у тебя таких поясов?

— Отвечаю Императору: всего выдали два.

— А второй где?

— Потерялся.

Цзи Хэн прищурился, и его взгляд постепенно похолодел.

Тянь Ци тут же опустилась на колени: — Этот раб поступил так вынужденно, молю Императора о милосердии!

— Вынужденно?

— Именно. Сегодня утром этот раб по неосторожности упал в воду. На мне был ватник, а от воды он стал неподъемным, тянул ко дну, так что мне пришлось снять одежду и бросить ее в

воду. К счастью, мимо проходили коллеги из Озеро Тайе, они меня и вытащили, вернув с того света — эти люди могут подтвердить мои слова. После этого пояс вместе с одеждой пошел ко дну, и найти его уже не удалось. Этот раб понятия не имеет, зачем Императору понадобился пояс, и не смеет гадать о мыслях Сына Неба. Если он вам так нужен, можете забрать этот, а если не хватит, в Палате вышивальщиц их наверняка навалом.

Цзи Хэн пристально взгляделся в нее: — А ты щедра на слова.

Тянь Ци сглотнула слюну: — Благодарю Императора за похвалу.

Цзи Хэн едва заметно поморщился, видя, как она с невозмутимым видом принимает насмешку за комплимент. Он махнул рукой: — Ступай. Иди в Палату вышивальщиц и возьми всё, чего не хватает. А о сегодняшнем происшествии чтобы никому ни слова.

— Слушаюсь. — Тянь Ци поднялась на ноги и живо выскочила вон.

Цзи Хэн посмотрел на лежащую перед ним записку, на которой кривыми строчками было выведено несколько слов: В поясе Тянь Ци кроется тайна.

Это было анонимное доносительство. Тот, кто писал его, опасался, что его почерк узнают, и выводил буквы левой рукой. Откуда взялась записка, он уже приказал выяснить, но раз уж автор решился на такое, значит, был уверен, что его не найдут.

Что же касается тайны в поясе Тянь Ци, Цзи Хэн был уверен — она там есть. Тот, кто строчит доносы в темноте, не станет рисковать и выдумывать небылицы, особенно излагая всё с такой уверенностью; значит, информация достоверна.

А когда он сегодня притянул Тянь Ци и выяснил, что она упала в воду и лишилась пояса, Цзи Хэн лишь укрепился в своем подозрении.

С поясом Тянь Ци что-то не так, и это связано со смертью Чжаои Сун.

Но убийца — не Тянь Ци. Будь это ее рук дело, пояс избавились бы давным-давно, еще в день гибели Чжаои Сун, а не тянули до сегодняшнего дня.

Иными словами, этого евнуха подставили, использовав в темную, и повесили на него чужую вину.

А ума ей не занимать: вовремя обо всем догадалась, тихо-мирно уничтожила улики, да так, что комар носа не подточит.

Пальцы Цзи Хэна лениво постукивали по столешнице, и тут он вспомнил сцену, как она

бесстрашно уснула прямо перед троном. Он подумал про себя: неплохой этот слуга, когда надо — умен, а когда надо — прикидывается дурачком.

Вспомнив же, как она густо покраснела и прятала глаза, когда он развязал ее пояс, словно молоденькая девушка, он усмехнулся, тронув уголки губ, затем поднял голову и отдал приказ Шэн Аньхуаю: — Ступай, позови лекаря, пусть осмотрит Тянь Ци.

Вернувшись в Тринадцатый отдел, Тянь Ци хорошенько всё обдумала и решила, что дело пахнет керосином. Император без лишних слов принялся распускать ее пояс — значит, получил точные сведения о том, что с ним что-то не так. На фоне этого ее падение в воду выглядело слишком уж подозрительно, словно вор кричит: держи вора.

При этой мысли сердце Тянь Ци снова ушло в пятки.

Потрепав себе нервы, она подумала: раз уж Император отпустил ее, значит, пока она в безопасности. Если он одумается и решит с ней расправиться, она всё равно ничего не сможет изменить. Жизнь и смерть подвластны небесам, богатство — воле providения, остается только ждать.

И действительно, ждать пришлось недолго.

К счастью для нее, в комнате стало душно, хоть и тепло, поэтому она приоткрыла окно, чтобы проветрить. Через щель она издали заметила Шэн Аньхуаю, которого вел какой-то евнух. Позади семенил человек с маленьким деревянным ящичком в руках, а вскинутый подбородок с небольшой бородкой выдавал в нем человека несведущего во дворцовых порядках — явно не евнуха.

Раз уж сам Шэн Аньхуай пожаловал сюда лично, Тянь Ци решила, что Император наверняка раскусил ее замысел и послал этого доверенного слугу по ее душу. Она испуганно заметалась по комнате, слыша, как голоса приближаются: один спрашивал здесь ли это, другой отвечал — здесь, сюда пожалуйста. Следом в дверь раздался громкий стук.

Хоть она и говорила себе, что полагается на волю небес, сидеть сложа руки было не в ее правилах. Тянь Ци стремглав выпрыгнула в окно, прикрыла створки и прижалась спиной к стене под окном, прислушиваясь к тому, что творится внутри.

Шэн Аньхуай постучал, но, не дождавшись ответа, просто толкнул дверь и вошел.

Внутри никого не было. Шэн Аньхуай обладал утонченным умом: подойдя к кровати Тянь Ци, он обнаружил, что одеяло раскинуто, провел рукой — а оно еще хранит тепло.

Значит, человек ушел совсем недавно.

Евнух, что привел их сюда, видя недовольство Шэн Аньхуая, услужливо улыбнулся: — Сам главный евнух Шэн пожаловал навестить Тянь Ци — какая честь для этого малого. Я только что видел, как он возвращался, видать, отлучился куда-то. Не знаю, какое у вас к нему дело, но если можно поведать, я передам слово в слово, и ваше время не пропадет даром. Вы ведь вечно в заботах при дворе, а если этот сорванец заставит вас ждать... Если Император хватится вас, а вас нет, и разгневается — сотни таких, как Тянь Ци, не хватит расплатиться.

Лицо Шэн Аньхуая немного смягчилось: — Ничего особенного. Предки Тянь Ци накопили немало заслуг, Император лично отдал указ, чтобы лекарь осмотрел его. Вот я и привел человека без промедления, а его, оказывается, нет на месте.

Тянь Ци, притаившись под окном, облегченно похлопала себя по груди — фух, пронесло, пришли не казнить. Но... пускать лекаря к себе нельзя ни в коем случае! Стоит ему диагностировать, что она не настоящий евнух, как до смерти останется один шаг.

И ее только что опустившееся сердце снова подпрыгнуло к горлу. Тянь Ци подумала, что в последнее время ей чертовски не везет: неприятности сыплются одна за другой, даже передохнуть некогда. Обязательно нужно будет сходить в какой-нибудь храм, сжечь благовония и сбросить с себя эту скверну.

Внутри тем временем Шэн Аньхуай перебросился еще пара фразами с тем евнухом. Пождав какое-то время и убедившись, что хозяин не вернулся, он не смел засиживаться долго и велел лекарю продолжать ждать, а сам вернулся во Дворец Цяньцин.

Тянь Ци посидела у стены, собираясь с мыслями, а затем поднялась и вернулась в комнату. Заметив там лекаря, она, не дожидаясь вопросов, решила напасть первой и поинтересовалась, зачем тот пожаловал.

Лекарь объяснил суть дела и в свою очередь спросил, кто он такой и когда вернется Тянь Ци.

— Меня зовут Ван Мэн, а Тянь Ци куда-то отлучился. Подождите, я сейчас приведу его.

С этими словами она развернулась, выбежала из комнаты и направилась напрямик к жилищу Ван Мэна, вытащив досыпающего парня прямо из-под одеяла. Ван Мэн тер глаза, растерянно глядя на нее.

Тянь Ци ухватила его за воротник и потащила за собой, на ходу приговаривая: — Смотрю я на тебя, хилый ты совсем, вот и привел лекаря, чтобы осмотрел. Смотри, молчи, просто дай себя осмотреть.

— Да я сам лекарь...

— Заткнись.

Ван Мэн от природы не умел отказывать людям, он даже чужую вежливость порой принимал за чистую монету, а уж когда Тянь Ци проявила напор, послушно захлопнул рот.

Приволокши его в свою комнату столь разбойничьим методом, Тянь Ци указала лекарю на парня: — Всё, человек здесь, осматривайте.

Лекарь внимательно прощупал пульс Ван Мэна, заглянул в глаза, осмотрел язык, надавил на несколько точек на животе, после чего покачал головой: — И почки, и селезенка у тебя ни к черту. Организм сильно истощен, отсюда и застарелые хвори. Лечить нужно постепенно, здесь спешка не поможет.

Ван Мэн опустил голову: — Я и сам знаю... да где же денег на лекарства взять?

Лекарь вздохнул: — Вижу ведь, что жизнь у тебя не сахар. Раз уж на то воля Императора, выпишу-ка я тебе хороших снадобий. Пойдешь с этим рецептом прямо в Императорская медицинская академия, платить ничего не надо.

Ван Мэн вытаращил глаза: — Вы хотите сказать...

Тянь Ци вовремя зажала ему рот рукой и повернулась к лекарю: — Будьте добры, выпишите побольше.

Лекарь призадумался: если выписать слишком много, при проверке могут возникнуть вопросы, а ему лишние проблемы ни к чему. В итоге он прописал курс на два месяца со словами: — Рецепт примерно такой. Как закончится, поглядим на состояние и скорректируем. Ты еще молод, если принимать регулярно, через пару лет все придет в норму.

Ван Мэн мычал с зажатым ртом, не в силах произнести ни звука, пока Тянь Ци усердно кивала за двоих, нажимая ему на голову.

Проводив лекаря, Тянь Ци наконец перевела дыхание — на сей раз буря миновала. Последние дни выдались на редкость щекотливыми: то и дело балансировала на краю пропасти, отчего сердце уже готово было выпрыгнуть из груди.

Ван Мэн остался недоволен: — Это что вообще сейчас было?

Тянь Ци обняла его за плечи: — Добрые братья делят и радость, и горе. Преступление против государя — тут есть и твоя доля, и моя.

— Преступление против государя! — глаза Ван Мэна округлились еще сильнее.

— Не паникуй ты так. Знают об этом только небеса да мы с тобой, ничего страшного. Зато

лекарств на халяву получишь, чем плохо? — С этими словами она щелкнула по бумажке с рецептом. — Позже сам схожу и получу для тебя лекарства.

— Раз уж я сел на твой корабль, выкладывай всё до конца, чтобы я знал, к чему готовиться.

Тянь Ци пришлось вкратце ввести Ван Мэна в курс дела.

Тан Мэн удивился: — Но ведь то, что лекарь тебя осмотрел — это же хорошо, почему ты бегала от него?

— Да я о тебе думала, — соврала Тянь Ци.

Ван Мэн остался полон сомнений.

Тянь Ци почувствовала укол совести, перерыла все сундуки и достала свои последние сбережения — у нее осталось сто тридцать пять лянов и семь цяней серебра. Самую крупную купюрою в сто лянов она сунула Ван Мэну.

Ван Мэн уставился на цифру на серебряном билете, и его глаза слегка остекленели. По правде говоря, далеко не все евнухи умели копить деньги так, как Тянь Ци, и хоть Ван Мэн и служил в неплохом ведомстве, лишних средств у него не водилось.

— Это еще к чему? — Ван Мэн попытался вернуть серебряную бумажку.

Тянь Ци запихнула ее обратно: — Возьми, купишь лекарств. Вместе с тем, что выписал лекарь, как раз на год хватит. А через год я заработаю кучу денег и куплю тебе еще лучше.

У Ван Мэна зашипало в носу: — Почему ты так добра ко мне?

— Ты меня спас, а я сегодня тобой воспользовалась. Так что я должна и отблагодарить, и извиниться. Этих денег всё равно мало, — честно ответила Тянь Ци.

Проведя месяц в караульном помещении, Тянь Ци вернулась к исполнению обязанностей цзяньчэна в Управлении церемоний.

Управление церемоний считалось самым «пустым» среди двадцати четырех ведомств — там не было ни малейшей возможности поживиться хоть капелькой выгоды, что и стало главной причиной, по которой Тянь Ци в свое время так легко получила эту должность. Многие старались держаться от этого места подальше, она же лезла на рожон сама, точно глупый толстый баран, добровольно сунувшийся к тигру в пасть — кто же виноват в ее безумии?

Впрочем, некогда Управление церемоний выглядело иначе: в прошлые времена это ведомство заведовало частью обязанностей Управления внутренних дел и Управления ритуалов, переживая свои славные дни. Но то было в прошлом, а теперь главная работа Управления церемоний заключалась в очистке дорог и наведении порядка во время выездов императора.

Стоило кортежу Сына Неба проезжать мимо, как впереди всегда шествовало две шеренги мелких евнухов, хлопающих в ладоши, предупреждая всех на пути: едет Император, очистите дорогу!

Именно этим Тянь Ци и занималась.

И хотя это тоже была возможность приблизиться к императорской особе, шанс хоть как-то мелькнуть перед глазами Сына Неба стремился к нулю. Можно было привлечь к себе внимание расторопностью, умением вовремя подсуесть или сладкими речами, но слыхано ли дело, чтобы кто-то приглянулся Императору за громкие хлопки в ладоши?

К тому же, после всех недавних бурь у Тянь Ци временного желания искать теплого места не было. Поэтому ладоши ее звучали ни громко, ни тихо — ничем не отличаясь от остальных.

И тем не менее, Цзи Хэн с первого взгляда узнал ее в толпе.

В этот день утренняя аудитория затянулась дольше обычного, и к моменту окончания церемонии солнце уже вовсю поднималось над горизонтом. Восток был увит утренней зарей, багровой, точно зарево пожара, но с примесью ярко-золотых переливов, отчего всё вокруг казалось полным жизни и энергии. Солнце походило на раскаленный железный шар, только что извлеченный из горна, окутанный багряным сиянием и источавший обжигающее тепло, которое вмиг разогнало утреннюю прохладу.

Весь мир разом стал теплым и уютным.

Императорский паланкин возвращался от ворот Хуанцзимынь, направляясь прямиком ко Дворцу Цынин. Цзи Хэн восседал на драконьем ложе, двигаясь спиной к восходящему солнцу. Впереди шла процессия младших евнухов, расчищающих путь хлопками ладоней.

Взгляд Цзи Хэна лениво скользнул по толпе и замер на одной фигуре.

Строгое служебное платье, хрупкая фигура, особенно тонкая талия, держащаяся при этом с удивительной прямоотой; запрокинутая голова, мерные хлопки ладоней, изящные белые пальцы, сквозь которые пробивались лучи солнца, словно обвивая кончики пальцев ярким, приковывающим взгляд сиянием, от которого невозможно было отвести глаз.

Эту незамысловатую работу она выполняла с полнейшей сосредоточенностью, выпрямившись во весь рост, прямая и статная, как стебель молодого бамбука.

В голове Цзи Хэна промелькнула мысль.

Такого толкового слугу обязательно нужно забрать к себе, в личные покои.

Услышав о своем переводе в личные покои императора, Тянь Ци едва не лишилась дар речи. Ни к кому не обращалась, никому не платила, да и полоса черная была — а тут вдруг падает манна небесная. Первая мысль: яд в этом пироге или нет?

Однако Шэн Аньхуай изрек: — Такова личная воля Императора. Евнухов при престоле много, но мало кому выпадает подобная честь — чего ты застыл, неблагодарный, ступай благодарить за милость. Живо за мной.

Тянь Ци напустила на себя услужливую улыбку: — Маленький слуга благодарит за великую милость... Спасибо вам, дедушка Шэн.

Шэн Аньхуаю было около сорока, но из-за отсутствия бороды он выглядел лет на тридцать с небольшим. Впрочем, во дворце находились тысячи желающих величать его дедушкой, так что восемнадцатилетняя Тянь Ци вовсе не перегибала палку — находились и те, кому стукнуло по тридцать восемь, но они без зазрения совести звали его так же. Раз уж этот человек — главный евнух при престоле, с ним нужно ладить.

Поэтому обращение дедушка из уст Тянь Ци не вызвало у него отторжения. Он легко стукнул Тянь Ци метелкой по макушке и усмехнулся: — Ах ты сорванец, а хвост-то держишь пистолетом.

— Что вы, что вы, всё благодаря вашему наставлению и науке, — Тянь Ци почесала в затылке и робко осведомилась: — Я вот... спросить хочу, с чего это вдруг Император решил перевести меня к себе?

Шэн Аньхуай удивился: — Разве ты не знаешь?

Тянь Ци покачала головой, а заметив подозрительный взгляд Шэн Аньхуая, поспешила оправдаться: — Помилуйте, какой у меня вес, чтобы напрямую к Императору обращаться? Даже если бы я и попытался замолвить словечко перед троном, вы-то у Императора на особом счету... — она подняла большой палец вверх, — неужто вы ничего не ведаете?

Лесть пришлась по вкусу, Шэн Аньхуай отбросил подозрения, дал напоследок несколько наставлений и лично отвел ее во Дворец Цяньцин.

Поскольку истинных мотивов Императора Шэн Аньхуай не знал, а никаких четких указаний тот не давал, он решил пока определить Тянь Ци в дежурную комнату на легкие поручения в ожидании дальнейших приказов. Если Император вспомнит о нем и потребует к себе, будет проще отправить.

Обязанности евнухов при императоре делились на два типа: одни имели четкий круг задач — делай свое дело, а к чужому и пальцем не смей прикасаться (как, например, те, кто ведал утварью, подавал еду или стоял на ночной страже); другие же, вроде Тянь Ци, не имели постоянной должности и привлекались для любых разовых поручений.

В первый день Тянь Ци увидела Императора лишь раз, отдав ему положенный поклон, после чего весь день просидела в дежурной комнате, не получив ни единого задания.

Что ж, покой — это хорошо, но отсутствие поручений означает отсутствие заработка. Даже если просто бегать с поручениями по дворцам да передавать слова — неужели кто-то из наложниц отпустит человека от престола с пустыми руками?

А Тянь Ци славилась тем, что умела делать деньги из воздуха, и сидеть сложа руки, наблюдая, как другие заколачивают состояние, было для нее пыткой!

На самом деле Шэн Аньхуай не давал ей поручений вовсе не из желания ущемить или устроить проверку на прочность. Будучи тертым калачом, он рассудил так: раз уж Император сам затребовал человека, не исключено, что этот евнух чем-то ему приглянулся, а значит, нужно быть начеку, ведь государь может затребовать его в любой момент. Вот и держал ее в дежурной комнате первые дни без всякой работы.

В таком ожидании минуло несколько дней, и подошел праздник Цинмин. В этот день мероприятий предстояло немало, и главное из них — жертвоприношения и поминовение предков на усыпальницах. Рано утром Цзи Хэн в сопровождении свиты, стражи и чиновников Великий Судебный Приказ, отвечавших за ритуалы, выступил в путь. Императорские гробницы располагались у горы Тяньшоушан, в сорока ли к северу от столицы. То было живописное место, окруженное цепью гор — идеальное по фэншуй вечное пристанище. Здесь покоились отец, дед и далекие предки Цзи Хэна.

Тянь Ци шла вместе с другими евнухами в императорской процессии, ведя себя предельно осторожно и боясь даже громко вздохнуть. Стоит чему-то хоть немного коснуться темы мертвецов, как атмосфера неизменно становится торжественной и мрачной. Впрочем, настроение Тянь Ци было куда более радостным, чем выражало её лицо, ведь сегодня ей наконец-то перепало поручение — держать зонт над самим Императором.

В этот момент с неба падал густой мелкий весенний дождь, и если окинуть взглядом окрестности, весь мир казался окутанным слоем мягкой, похожей на облака и туман дымки. Шэн Аньхуай суетился неотлучно возле Императора и в любой момент должен был быть готов разобраться с самыми разными непредвиденными ситуациями, поэтому он не мог постоянно находиться в поле зрения Цзи Хэна, и дело с зонтом передоверили Тянь Ци.

Учитывая разницу в росте между ней и Императором, чтобы держать зонт как положено, Тянь Ци приходилось высоко поднимать руку, и хотя её рука уже затекла, она не смела высказать ни малейшей жалобы.

Будучи владыкой девяти и пяти, даже посещение усыпальницы предков Император обставлял пышнее и сложнее, чем кто-либо другой. Сначала полагалось совершить обряд приветствия,

после него — обряд оглашения цели визита, за ним — обряд завершения, и лишь затем следовало прочтение жертвенного текста.

У Цзи Хэна был прекрасный голос — чистый и звонкий, с мягким и ясным тембром. Чиновники Великого Судебного Приказа, шедшие позади, в массе своей сходились во мнении, что слушать его чтение жертвенного текста — истинное наслаждение.

Но внезапно это наслаждение превратилось в какое-то странное издевательство.

Многие в душе удивились: с чего это вдруг Император читает жертвенный текст с дрожью в голосе? Причем дрожит он весьма ритмично, и вовсе не так, как положено при смысловых паузах в тексте, а... через строго равные промежутки времени он делает заминку, а концы фраз идут вразнос и покачиваются, словно волны.

Если закрыть глаза и слушать, можно было подумать, будто Император занимается каким-то непотребным делом.

Многие начали тревожиться и испытывать беспокойство... Уж не подселился ли часом к Императору кто-то из бдительно промышлявших окрест душ предков...

Цзи Хэн вовсе ни к кому не подсеялся. Его рассудок был совершенно ясен, а сам он испытывал сильнейший гнев. Всё потому, что ему за шиворот с правильной периодичностью капала дождевая вода; капли собирались вместе и затекали прямо за воротник — и передать это ощущение было просто выше всяких слов.

Существуют инстинкты, которые рассудку неподвластны, поэтому стоило холодной дождевой воде упасть вниз, как его голос неизменно начинал срываться на дрожь.

Он скосил глаза вбок: виновник происшествия по-прежнему выглядел совершенно растерянным и невинным.

Тянь Ци понятия не имела, что наклонила зонт, и вся дождевая вода с поверхности купола собиралась в один поток и лилась прямо за воротник Цзи Хэну.

К этому моменту её рука уже полностью онемела от усталости.

Сама она ничего не знала, но со стороны кое-кому всё было отлично видно. Эту сцену отчетливо разглядели несколько человек, стоявших близко к помосту: кто-то откровенно опешил, у кого-то сердце ушло в пятки, а у тех, кто был помягче сердцем, душа не на месте — они мысленно оплакивали незавидную судьку маленького евнуха.

По правде говоря, на какое-то мгновение Цзи Хэн действительно пожелал прикончить этого евнуха на месте. Он — Император, и хозяину, чтобы лишить кого-то жизни, даже пальцем шевелить не нужно, достаточно одного взгляда.

Закончив читать жертвенный текст и совершив прощальный обряд, Цзи Хэн выхватил зонт из рук Тянь Ци и зашагал широким шагом, укрывая себя сам.

Тянь Ци не понимала в чём дело, но послушно засеменила следом.

Шэн Аньхуай уже понял, в чём причина, однако заступаться за Тянь Ци не стал: он пока ещё не считал её своим человеком и полагал, что она не стоит потраченных на неё душевных сил.

Цзи Хэн всю дорогу шел с мрачным лицом, размышляя о том, как поступить с этим подлецом. Убить? Выглядело бы так, будто он, император, слишком мелочен — как-никак, человеческая жизнь; помиловать? Но душа не лежала. Раздумывая об этом, Цзи Хэн искоса бросил взгляд и увидел, что Тянь Ци, опустив голову, растерянно семенит рядом с ним, имея самый жалкий вид. Этот подлец даже не смел жаться под его зонт и, перебирая короткими ногами, бежал за ним вдогонку; одно плечо насквозь вымочил дождь, с краев шляпы тоже капало, всё было сырым и мокрым, отчего она то и дело принималась утирать лицо.

Цзи Хэн холодно фыркнул, но зонт сам собой незаметно сместился в сторону Тянь Ци на пару делений. Он подумал, что и впрямь невероятно милосердный и великодушный государь.

Императорский кортеж возвращаться во дворец не стал, а направился сначала в путевой дворец, находившийся недалеко от императорских гробниц. Возвращаться назад с промокшей насквозь спиной было поистине тяжело и неприятно. Люди заранее отправились в загородный дворец, чтобы всё подготовить. К моменту прибытия Цзи Хэна вода для купания была уже готова. Несколько дворцовых служанок с умывальными принадлежностями в руках хотели прислуживать Цзи Хэн, но он лишь указал на Тянь Ци:

— Ты, подойди.

Он решил дать ей еще один шанс.

Тянь Ци послушно последовала за Цзи Хэном в купальню, а служанки, оставив вещи, вышли.

Цзи Хэн стоял у деревянной бадьи, приподняв руки в ожидании, пока Тянь Ци подойдет и развяжет его одежду. Ему самому было любопытно, заметит ли этот человек то, что натворил.

Тянь Ци, разумеется, ничего не замечала — впервые раздевая мужчину собственными руками, она нервничала до смерти и уже не могла думать ни о чем другом. С каждой снятой с Цзи Хэна вещью ее лицо алело все сильнее, и к тому моменту, когда она обнажила его торс, она уже покраснелась, как спелый помидор.

Цзи Хэн: «.....»Он никогда ещё не встречал столь легко смущаемого евнуха. Как императора, Цзи Хэна окружали слуги, прошедшие строжайшую выучку. Что уж говорить о евнухах — даже дворцовые служанки, сталкиваясь с ним абсолютно обнаженным, не моргали и бровью, продолжая заниматься своими делами.

А сейчас на нём всё ещё были штаны, а это полумужчина-полуженщина смутился до такой степени. То ли этот малец ни в грош его не ставит, то ли, наоборот, слишком уж трепетно к нему относится?

Неужели он извращенец и предпочитает мужчин?

Стоило этой мысли промелькнуть в голове, как тело Цзи Хэна напряглось. Как раз в этот момент Тянь Ци, наконец переборов себя, решительно и ловко развязала его пояс, и штаны соскользнули вниз.

Тянь Ци присела на корточки, собираясь снять штаны Цзи Хэна, но он стоял столбом, не двигаясь с места. Ей пришлось одной рукой придержать его за голень, а другой потянуть за

штанину: — Ваше Величество, пожалуйста, поднимите...

— Выйди.

— А-а-а???

Цзи Хэн шевельнув ногой, страхнул её руку: — Выйди. Тянь Ци ответила: Слушаюсь, — и решительно пятилась назад, ни капли не выказывая сожаления. Выйдя наружу, она сперва облегченно выдохнула, но затем почувствовала легкую тревогу и крайнее недоумение. Нрав у этого Императора и впрямь был слишком переменчивым: только что у императорских гробниц она так и не поняла, на что он разозлился, а теперь то же самое — ну просто голову сломаешь, пытаюсь его понять.

Внутри Цзи Хэн сам снял оставшуюся одежду, шагнул в деревянную бадью и для начала вымыл голени. Только что от прикосновения этого маленького извращенца кожа на его ногах покрылась мурашками. Ощущение было странным и неописуемым — не то чтобы отвращение, но и не удовольствие. Ее пальцы оказались нежными, мягкими и прохладными, словно гладкий шелк, сотканный из лучших коконов тутового шелкопряда. Стоило им коснуться кожи, как отчетливое ощущение от ноги молчаливо передалось в самое сердце, заставляя тут же захотеть избавиться от этого прикосновения.

Его голову заполнила какая-то странная эмоция, из-за чего Цзи Хэн даже забыл о том, как собирался наказать Тянь Ци.

Тянь Ци решила, что черная полоса в ее жизни явно еще не закончилась. И что с того, что она попала перед очи Императора? И что с того, что прислуживала ему? Никакой выгоды не получила, зато умудрилась разозлить государя, и теперь оставалось только гадать, как именно он решит с ней расправиться.

Она немного пала духом, ушла из банной и принялась бродить вокруг временного дворца, даже не пытаясь отыскать своих — все равно Император в ближайшее время точно не захочет ее видеть.

Временный дворец оказался слишком огромным, и пока она кружила туда-сюда, то банально заблудилась.

А Цзи Хэн тем временем закончил купаться. Выбравшись наружу, он обнаружил, что дождь уже прекратился, тучи рассеивались, хотя солнце еще не показалось.

Воздух стоял свежий и влажный, омытый весенним дождем мир дышал живительной силой.

У Цзи Хэна возникло настроение прогуляться, поэтому возвращаться он не спешил.

Неподалеку простирался пологий склон, сплошь засаженный абрикосовыми деревьями. После знаменитой строки поэта династии Тан: Скажи, где путнику найти вино? Пастух кивает на деревню сквозь туман, — на свете словно из ниоткуда появилось множество деревень абрикосового цвета. Здесь, на территории временного дворца, тоже отвели специальный участок, устроив собственную Абрикосовую деревню. Правда, людей в ней почти не водилось, лишь абрикосовые цветы год за годом распускались и опадали, опадали и распускались вновь.

В эту пору цветы распустились как раз вовремя, а капли недавнего дождя придавали им особую свежесть, так что место идеально подходило для любования пейзажем. В итоге Цзи Хэн взял с собой лишь Шэн Аньхуа и отправился на Абрикосовый склон, чтобы прогуляться среди розово-белой дымки тумана. Лепестки абрикосового цвета — белые с едва заметным розоватым оттенком; они не такие яркие, как персиковые соцветия, и не такие безупречно-чистые, как грушевые, но в них есть особая, скромная и нежная прелесть. Деревья утопали в пышном цветении, гордо возвышаясь на этом тиром и уединенном склоне, буйно расточая свою короткую, но прекрасную жизнь.

Землю покрывал тонкий ковер из опавших лепестков, издали похожий на мириады звезд. Сбитые ветром и дождем, преждевременно увядшие, они пали на землю, лишь бы превратиться в пыль.

В такой тоскливо-прекрасной обстановке полагалось бы нашему императорскому величеству случайно столкнуться с какой-нибудь юной красавицей. Одному — любоваться цветением и жалеть цветы, другой — оказаться впору этому моменту, и вот они уже заигрывают друг с другом, создавая красивую романтическую историю.

Цзи Хэн тоже так думал.

Как раз в этот момент из глубины абрикосовой рощи донеслось пение. Голос чистый и мягкий, но вместе с тем невероятно прозрачный и наивный. Мотив был низким и печальным, и когда Цзи Хэн услышал его, сердце его наполнилось необъяснимой тоской.

Абрикосовой девой зовусь я сполна,

Каждый день и всю ночь для тебя я одна.

Сколько судеб людских повидал белый свет?

Лишь меня ты да я — меж собой мы в ответ.

Абрикосовой девой зовусь я сполна,

В сновиденьях моих ты — поэтесса-жена.

Пусть же каждый, кто сердцем влюблен на земле,

Обретет свое счастье в положенный день.

Судя по всему, это была народная песня, лишенная изысканного слога, но полная прямой и страстной силы чувств. Цзи Хэн заслушался и сам не заметил, как шаги понесли его на звуки пения.

Шэн Аньхуай подумал, что в гареме, пожалуй, скоро появится еще одна молодая госпожа. Раз голос так хорош, то и лицом она наверняка удалась, а уж нынешняя атмосфера и вовсе была редкостно удачной.

Этот господин и слуга, крадучись, двинулись вперед, и наконец пение зазвучало совсем близко. Стоило им обогнуть еще одно абрикосовое дерево, как они смогли бы разглядеть ту красавицу.

В этот момент даже солнце проявило невиданную милость: оно вдруг выглянуло из-за туч и пролило золотой свет, озарив море цветов и придавая всему вокруг мягкое сияние.

Цзи Хэн невольно ступал мягче, приближаясь с замирающим сердцем.

А затем он увидел евнуха.

Евнух был облачен в синее чиновничье платье, а в руке вертел сорванную ветку абрикосового дерева, продолжая напевать себе под нос. Ветка крутилась у него в пальцах, а он жестоко, лепесток за лепестком, обрывал цветы и небрежно бросал их на землю.

Цзи Хэн: «.....»

Контраст между картинкой и звуком оказался слишком сильным, и на мгновение у него возникло ощущение полнейшего раздвоения реальности.

Евнух же был полностью погружен в собственный мир и совершенно не замечал их присутствия. Видя, что он продолжает идти прямо на них и вот-вот врежется Цзи Хэну в грудь, Шэн Аньхуай был вынужден окликнуть его:

— Тянь Ци!

Тянь Ци замерла на месте и, подняв голову, обнаружила их.

Лицо Императора находилось буквально в двух шагах. Тянь Ци испытала такой сильный шок, что на секунду утратила способность реагировать, продолжая тупо смотреть на него со сжатой в руке веткой.

Цзи Хэн почему-то тоже молчал, потупившись и глядя на Тянь Ци. Этот евнух страдал излишним нарциссизмом — мало того что прицепил к головному убору цветок, так еще на беду уродился красавцем, и с цветком выглядел и вовсе очаровательно.

Но сколь бы хорош он ни был, оставался евнухом.

Шэн Аньхуай рявкнул:

— Ты почему до сих пор не на коленях?!

У Тянь Ци подкосились ноги, она согнула колени, собираясь опуститься на землю, но на середине движения Цзи Хэн схватил ее за воротник сзади и приподнял. Тело у нее было хрупким, сама она — тощей и легкой, так что Цзи Хэн почти без усилий оторвал ее ноги от земли.

— Почему опять ты? — с досадой процедил сквозь зубы Цзи Хэн. — Почему вечно ты?!

Тянь Ци понятия не имела, в чем снова провинилась и за что вызвала гнев Императора, но сейчас он определенно сердился. А раз так, она покорно висела в воздухе, изо всех сил стараясь притвориться бессловесной тряпкой. Опустив голову, она заикающе произнесла:

— П-приветствую... приветствую императора.

— Какими судьбами ты здесь? — спросил Цзи Хэн.

Тянь Ци просто бродила без цели и заблудилась, а потом увидела красивое место и решила задержаться. Разумеется, правду она сказать не смела, поэтому, включив на полную мощность угодничество, ответила:

— Отвечаю императору: ваш слуга увидел, как чудесно здесь расцвели цветы, и захотел срезать пару веток, чтобы вы могли полюбоваться ими. И подумать не смел, что вы сами пожелаете сюда. Ваш слуга от неожиданности растерялся и запоздал с приветствием, прошу императора помиловать.

Шэн Аньхуай мысленно показал Тянь Ци средний палец. Чтобы льстить, тоже нужен талант — такую чушь несет с абсолютно невозмутимым видом. Похоже, у этого паренька просто выдающиеся способности, из него выйдет толк.

Цзи Хэн опустил взгляд и замер на обглоданной ветке в руке Тянь Ци. Почти все лепестки на ней были оборваны, оставалось лишь несколько жалких крупинок. Он злорадно усмехнулся:

— И как ты предлагаешь Мне любоваться этим облезлым веником? Ты часом не для собственного удовольствия ее так разделал?

Тянь Ци, естественно, не смела в этом признаться и принялась плести небылицы:

— Ну что вы, император, вы многого не знаете. Ваш слуга оборвал лепестки ради того, чтобы сберечь тычинки. Тычинки — это сердце цветка. Лепестки, конечно, яркие и красивые, но аромат исходит именно из тычинок. Лепестки легко могут одурманить человека, а вот запах тычинок не обманешь. Поэтому, чтобы узнать, хорош ли цветок, не нужно смотреть на

лепестки, достаточно взглянуть на тычинки. Желаете полюбоваться цветами — любуйтесь самым сердцем.

Шэн Аньхуай мысленно показал Тянь Ци уже два средних пальца.

Цзи Хэн опустил Тянь Ци на землю. То, что она только что сказала, хоть и звучало просто, но было полно глубокого смысла. Распознавать цветы — все равно что разбираться в людях: нельзя поддаваться внешней красоте, нужно всегда смотреть на их истинную суть. То, что этот евнух сказал сейчас — он говорил только о цветении или проводил аллегория с людьми?

Цзи Хэн вдруг подумал, что этот маленький евнух довольно забавен. Среди евнухов встречались проникательные, но редкие мудрецы. Этот парень умом особо не блистал и время от времени глупил, но обладал редким пониманием сути вещей — только за одно это он стоил сотен тупиц.

Он многозначительно оглядел Тянь Ци, отчего та снова занервничала и поспешно протянула ему обеими руками облезлую ветку:

— Император, смилостивьтесь, примите дар.

Шэн Аньхуай: Бесстыдство! Какое невероятное бесстыдство!

Цзи Хэн охотно принял эту бесстыдную ветку и слегка стукнул ею Тянь Ци по лбу:

— Тебе так нравится носить цветы?

Тянь Ци давно уже забыла, что воткнула в шапку цветов:

— Ааа???

— Что ж, тогда носи побольше, — бросил Цзи Хэн и сорвал с ее головы шапку.

В тот день Тянь Ци возвращалась во дворец с целой копной абрикосовых цветов на голове. Всего их набралось двадцать пять штук, и Император предупредил: по возвращении во дворец он их пересчитает, и не должно пропасть ни единого лепестка. За каждую недостающую ветку — десять палок по спине, а если не досчитается пяти и более — пять в подарок при покупке одной.

— Потеряешь еще пару штук, и на этом наши отношения господина и слуги закончатся, — с полуулыбкой произнес Цзи Хэн.

— Император, клянусь, в следующей жизни я снова буду вашим верным слугой! — Тянь Ци чуть не плакала, но продолжала лебезить. Сейчас ее облик живо напоминал ходячую цветочную корзину; стоило лишь слегка припудрить лицо, и можно смело отправляться на

сцену играть комического персонажа.

Боясь, что ветер сдует цветы с головы, а она и не заметит, Тянь Ци всю дорогу шла как на иголках. В конце концов Цзи Хэн милостиво разрешил ей забраться в его императорскую карету.

Тянь Ци забилась в самый темный угол повозки, не смея пошевелиться, с выражением глубокой скорби на лице.

Глядя на ее перекошенную физиономию, Цзи Хэн наконец почувствовал себя отмщенным, и на душе у него посветлело.

Вернувшись в Императорский дворец, Цзи Хэн специально велел Тянь Ци немного пройти пешком. Многие придворные смогли оценить по достоинству ее диковинный наряд.

Тянь Ци и раньше не блистала особыми успехами среди евнухов, но сейчас, опозорившись столь грандиозным образом, она чувствовала себя ниже травы тише воды — даже самая толстая кожа не выдержала бы такого позора, и она шла, уткнувшись носом в землю, мечтая провалиться сквозь нее.

На этом гнев Цзи Хэна в основном улетучился.

Вернувшись во Дворец Цяньцин, Цзи Хэн действительно заставил Тянь Ци вытащить все цветы и принялся скрупулезно их пересчитывать. Тянь Ци едва не закатывала глаза от ужаса, искренне полагая, что это далеко не самое подходящее занятие для Сына Неба.

В самом конце не хватило трех штук. Не дожидаясь, пока Цзи Хэн вынесет приговор, Тянь Ци бросилась к его ногам и горько зарыдала:

— Император, моя никчемная жизнь не стоит и гроша, но мне так жаль расставаться с вами! Позвольте вашему слуге послужить вам еще пару лет...

Видя, как она валяется в ногах и молит о пощаде, Цзи Хэн испытал неизъяснимое удовольствие.

В итоге порку решили отложить, записав ее на счет — как выразился сам Цзи Хэн:

— Накопим круглую сумму, а потом уж отлупим за раз, чтобы дважды не вставать.

Потому что после одного раза можно было и не выжить...

Тянь Ци горько оплакивала свою участь.

Много времени спустя Тянь Ци переделала ту долговую запись: цифра осталась прежней, но вместо битья палками значилось стояние на коленях на стиральной доске.

Теперь горько плакал уже Цзи Хэн.

<http://bllate.org/book/22267/2330910>